

Рассказ

17 мая 1948 года. Новый Афон. Государственная дача № 8.

— Как добрались, Николай Александрович?

— Вашими молитвами. Довезли хорошо. Что потревожили старика?

— Какой же вы старик? Всего восемьдесят лет. У нас, на Кавказе, до ста живут. И больше.

Тот, кого собеседник назвал Николаем Александровичем, улыбнулся краешками губ.

— Счастливые люди!
— Вас я тоже могу порадовать. Поздравить с присвоением звание Героя Социалистического Труда. За исключительные заслуги перед нашим народом. И правительством.

— Гм... Серп и молот с Лениным на меня повесите? Умеете вы пошутить...

— Мы, Николай Александрович, здесь не шутки шутим. Кстати, заодно готовьтесь к новоселью. Этот дом построили специально для вас. Официально будете числиться здесь истопником, но всем сотрудникам приказано слушаться вас во всём, как отца родного, и беречь. Как зеницу ока.

— Нищему собораться — только подпоясаться... Хотя — чем обязан?

— Вы сейчас должны быть в максимальной безопасности и постоянно на связи со мной. Что-то ваши добрые друзья и милые родственники чересчур засуетились...

— Локти кусают?

— Не свои. Нам пытаются руки откусить. По самые плечи.

— Не удивлен... Что Алексей?

— Справляется. Надеюсь, до конца года всё устроит.

— Он тоже на это надеется. А подарок вы мне преподнесли, можно сказать, царский... Если не ошибаюсь, как раз на этом месте раньше стоял дом вашего духовного отца?..

6(18) декабря 1894 года. Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь.

— Иосиф! (он говорил: "Иосиф!") Что гласит 90-й псалом царя Давида?

— Живей в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна, плещма Своима осенит тя, и под криле Его надешися: оружием объидет тя истина Его. Не убоишися от страха ночного, от стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая, от сряца, и беса полуденного. Падет от страны твоея тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приближится, — подросток на мгновение запнулся, но тут же продолжил. — Обаче очима твоима смотриши, и воздаяние грешников узриши. Яко Ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое. Не приидет к тебе зло, и рана не приближит телеси твоему, яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранили тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнешоу камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. Яко на Мя упова, и избавлю, и покрою и, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, долгою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое...

— Теперь это твой путь. Ты идешь меж аспидов и василисков, дабы попать льва и змия. В мире нет прямых путей и неисповедимы пути Господни. Но сказано в Писании: "Сделайте прямыми пути Господу своему...". Кто есть лев и кто есть змий, Иосиф?

— Лев есть власти мира сего, а змий — богатства мира сего.

— Да, всё так. А кто есть лев и кто есть змий в мире сем, Иосиф?

— Лев — это символ Великой Британии, а змий — символ доллара Северной Америки, авва Иерон!

Черты лица схиигумена, словно высеченные из тёмного мрамора, смягчились, он поднял руку для благословения.

— Иди, готовься к постригу, Иосиф, воин Христов Николай!

17 мая 1948 года. Новый Афон. Государственная дача № 8.

— Не ошибаетесь. Вы ведь тоже бывали здесь раньше?

В лице Николая Александровича не дрогнул ни один мускул, но словно тень: от облака ли, от ангела ли светлопечального, — скользнула по нему.

— Да, приходилось... Я закурю?

— Я тоже.

Один — вставляя сигарету в мундштук, другой — набивая трубку, взяли паузу...

— Как с этими... с изделиями?

— Малое — через дот-полтора.

— К юбилею готовите?

— Я, вы знаете, юбилеев своих не праздную. Чем раньше, тем лучше.

— А большое?

— Большое — лет пять ещё, не меньше.

— Святой отец Серафиме, моли Бога о нас, грешных! — Николай Александрович перекрестился. — Хотелось бы дожить.

— Я тоже не против.

Закурили, погузвившись в облака много-радужного — солнце заглядывало в окна, обрызганные каплями недавнего дождя, — дыма...

— Так всё же?

— По пути из Нарымского ссылки я был в Томске. И встречался там с известным вам, Николай Александрович, человеком...

— Тем самым?

— Да, тем самым. Он, кажется, передавал вам некое письмо?

5(17) июля 1891 года. Томск, Богородице-Алексеевский монастырь.

— Сам Господь привёл в град сей, в день воскресный, к исповеди и причастию Святых Христовых Таин. Ваше Императорское Высочество! И дивны слова ваши!

— Спаси Господи, владыка Макарий!

— Всё не как мы хотим, а яко Бог хочет. Фарисей Савл был приведен в Дамаск и стал апостолом Павлом. А Государь Наследник Цесаревич приведен в Томск и... Нет у меня, грешного, слов, чтобы воспеть величие Промысла Его! Ибо сказано в Писании: "любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите не-

навидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного!"

Владимир ВИННИКОВ

И никого больше

ещё раз, было имя того язычника?
— Цуда. Цуда Сандзо, Ваше Преосвященство!

— Цуда? Цуда... Иуда... И чудо одновременно! Брат Алексей!

В двери архиерейской кельи появилась невысокая фигура в монашеском одеянии.

— Ваше Императорское Высочество! Благословенный старец Феодор незадолго до

— Да, по-вашему...

— Не знаю... Наверное, когда всё вокруг и внутри тебя — цветёт. Когда ты и мир — одно. Когда всё так... правильно — и счастье: везде, навсегда... И уже не будет иначе!

— Я читал ваши стихи. У вас есть дар Слова. Редкий дар... Вы прочитали Шекспира, "Как вам это понравится"?

— Да, конечно. Наверное, тоже плохой перевод, но читать Шекспира намного приятнее, чем Маркса. Я пока ничего не понял в этом "Капитале"...

— Поймёте — это несложно. До какой-то черты — не сложно... А что вы поняли в Шекспире? Что вам больше всего запомни-

лось? Какие слова?

— Там брат идёт против брата. Слово Кайн — против Авеля. А слова? Да, конечно, вот эти: "Мир — театр, в нём женщины, мужчины, все — актёры..."

— Вот именно! — хозяин, в простом чёрном подряснике, разрешил себе усмехнуться. — Все! Все сразу запоминают эти строки, хотя никто их не понимает. Потому что самое

своей смерти передал схимонаху Алексею, тогда — отроку, адресованное вам — да, вам: не изумляйтесь! — письмом. И Алексей, по его благословению, открыл тайну сию мне как правящему в указанный срок архиерею.

— Трудно в такое поверить...

— Это Промысел Божий, Ваше Высочество!

17 мая 1948 года. Новый Афон. Государственная дача № 8.

— Мне было сказано, Николай Александрович, что вы сожгли это письмо по прочтении.

— О пророчествах монаха Авеля вам тоже было сказано?

Его собеседник кивнул:

— Да. Там же...

Николай Александрович встал с кресла и подошёл к окну.

— Я был в свои двадцать три года... Ветер в голове. Да, ветер в голове! И когда этот... самурай ударил меня саблей — в моей голове что-то взорвалось. Да, это были словно два взрыва: первый и сразу же, следом за ним — второй... Ужасный звук и... Такая вспышка, что я, казалось, ослеп... Американцы сбросили на них две бомбы?

Его собеседник снова кивнул, на этот раз молча.

— Может быть, я видел как раз эти взрывы... Я был весь в крови — Николай кровавый, конечно же... Вас тоже, судя по всему, будут называть "кровавым", только не при жизни. Но тогда... Тогда, как у Гоголя, — стало вдруг видно далеко во все концы света. И времени... Открылось не всё, но многое, слишком многое для одного человека. Тем более — такого пустоголового, как я...

— Вы рассказывали об этом. И о встрече с владыкой Николаем. Но про письмо вы до сих пор даже не упоминали.

— Кстати, вы тоже. Слово — серебро, молчание — золото.

— Не всё то золото... что молчит...

— Но вам зачем-то понадобилось размять этот червонец на целковые? И срочно? Я, признаюсь, озадачен. Вас тревожит новый Израиль? Или что-то ещё?

5(17) мая 1899 года. Тбилиси, Глданский монастырь Пресвятой Богородицы.

Этот закятный воздух, казалось, можно нарезать кусками и есть — настолько gusto он был пропитан сладким ароматом цветущих деревьев, приправлен деловитым жужжанием пчёл и лёгким дымком от уже прогоревшего костра...

— Какой вкусный чай!.. С лимоном и мёдом...

— Всё своё, всё своё... Наливайте ещё, Николай! И выпечкой не брезгуйте. Мы с вами сегодня славно потрудились...

— Да разве это труд? Здесь у вас — как в раю!

— А как, по-вашему, в раю?!

— По-моему?

колай. Поэтому давай теперь будем на "ты" — не возражаешь? Я пришёл к этому вопросу. Но совсем недавно, потому что шёл куда медленнее, чем ты... чем открылось тебе. Я ещё думаю над ответом... — он тонкими пальцами коснулся пиалки с чаем на столе и чуть отодвинул её, видимо, отгоняя от себя какие-то ненужные сейчас слова и мысли, обложенные в них. — Послезавтра тебя посадят в карцер, скоро выгонят из семинарии, а дальше... Кто знает, что дальше? Только не думай, никогда не думай, что всё это — игра, что всё это — не всерьёз. И какой-то другой жизни здесь не жди. Всё у тебя будет — по-настоящему...

17 мая 1948 года. Новый Афон. Государственная дача № 8.

— Каждого из нас, Николай Александрович, всегда тревожит только одно: необходимость выбора. Обратная сторона свободы воли. Вы свой выбор сделали тогда, в Томске?

— Это уже похоже на допрос, не находите? Извольте объясниться. Я обязан вам жизнью: и своей, и своих близких. Но и вы обязаны мне — всем остальным. Вы — не новый Иван Сусанин!..

— А также — не Иван Грозный и не Симеон Бекбулатович в одном лице... Кстати, опера Глинка по-прежнему идёт в Большом.

— Я слушаю радио. Только вы её переименовали. Как и многое другое в России. А до Шалаяпина Михайлову далеко...

— До Шалаяпина всем далеко... Что же до наших счётов, Николай Александрович, то на том свете сочтётся! Богу мы все обязаны, а не друг другу. Уж поверьте, не из праздного любопытства спрашиваю — в первый раз за годы нашего знакомства. Но согласен: доверие должно быть взаимным. И равным. Мы, старые большевики, только поэтому идём от победы к победе!

Николай Александрович опять улыбнулся своей — краешками губ — улыбкой.

— Только поэтому. Кстати, что-то давно съезд вашей партии не собирался. Непорядок!

— Вся наша партия, — слово "наша" было произнесено с едва заметным нажимом, — сейчас лежит в земле, от Волги до Эльбы. И по всему миру тоже. Как то зерно, которое погубило, чтобы прорасти полным колосом. Бомбы и ракеты сделать проще, чем снова создать такую партию. И вы лучше меня это знаете. Мы идём от победы к победе — но теперь нам предстоит перерыв. Лет на сто. Может быть, меньше. Если сейчас постараться и сделаем всё правильно. Нет собора — не будет и съезда. А Израиль... Что — Израиль? Будем считать его соломинкой, которая всё-таки переломила горб верблюду. Тому, что изо всех сил пытался пролезть в рай через игольное ушко истории...

— Я полагаю, из-за этого вы не собираетесь изменять своей "Герцеговине Флор" ради Camel...

— Кажется, кто-то совсем недавно упрекал меня в неуместных шутках? Пойдёмте побойдаем, Николай Александрович, всё уже готово...

24 сентября (6 октября) 1888 года. Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь.

— Труды ваши, вижу, велики и обширны, но будут ли плоды? Превратится ли, с Божьей помощью, вода в вино?

— С Божьей помощью — всенепременно, Ваше Императорское Величество. И через ангелов, и через людей она подается. Ваши дары — щедрый сверх всякой меры. Но скажите — Вас ведь отговаривали от этой поездки? И многие отговаривали?

— У каждого — своя голова на плечах. Что с того? Я же здесь!

— Это великое счастье для нас, Ваше Императорское Величество! И мы непрестанно сугубо молимся о Вашем и всего Вашего семейства здравии! Ведь эти два камня, которые Вы и наследник-цесаревич заложили ныне в основание храма святого великомученика и целителя Пантелеимона, враги Вам не простят.

— Ха-ха-ха! Ты слышал, Ники?! Именно эти два камня?

— Не считите меня, грешного, ещё и безумным. Прибыв сюда, Вы, Ваше Императорское Величество, показали этим... фарисеям и книжникам, что полностью отвратились от них, что нет им больше части в ваших делах и помыслах. А эти два камня не просто привезены с горы Афонской, Удела Пресвятой Богородицы. Они — из тех камней, которыми иудеи хотели побить евангельскую блудницу, но оставили их и ушли.

— "Кто без греха, пусть первым бросит камень"? Надеюсь, вы не пребываете в заблуждении и не вводите в заблуждение нас, Ваше Высокопреподобие?

— Бог не всё и не сразу открывает даже святым Своим. Из неизреченной любви Своей. И диавол многое открывает слугам своим. Из великой злобы своей. Тут нужен дар различения между любовью и злобой. И лучше ничего не знать — из любви, чем ведать всё — из злобы. Но со всей любовью скажу: многие ищут погубить Вас, как погубили Вашего отца, Вашего деда и Вашего прадеда. Хотел бы ошибиться, но теперь эти враги обязательно дадут о себе знать. И очень скоро. Гораздо быстрее, чем можно было бы ожидать...

17 мая 1948 года. Новый Афон. Государственная дача № 8.

— Ваше здоровье!

— И ваше!

Два бокала легко, почти без звука, на одном уровне коснулись друг друга.

— Хорошее вино.

— После обеда посмотрим, что там есть в подвале. Я просил подобрать приличную коллекцию.

— Не стоит. Кажется, мы пили такое тогда, вторём. Сразу три Николая.

— У вас прекрасная память.

— Это не память. А вы, как всегда, продумываете детали. К тому же, всегда имеете

и правильно используете резервы.

— Кто бы это говорил?! Мы, Николай Александрович прекрасно знаем, что чудес на свете не бывает. Вспомните хотя бы японскую войну. И Первую мировую. И Гражданскую. И Вторую мировую. Что бы мы делали без предоставленных вами запасов?

— Всё то же самое, только без них. Кстати, нынешняя война ещё не закончена.

— Это так. И я хотел бы знать, что вы думаете по Китаю.

Над столом почти зримо промелькнула невесомая, но ясно ощутимая пауза, которая называется "ангел пролетел".

— Ах, вот оно что — Китай... Вы сделали

ставку на своих... на коммунистов. Хотя, конечно, в Китае никаких коммунистов нет. Откуда им взяться? Там все — националисты. И спор между ними идёт только о том, как быстрее и лучше вернуть Поднебесной утраченное величие. Поэтому вам нужен тот коммунист, кто сможет повести за собой всех этих националистов. Чем сейчас скорее окажется ваша помощь ему — тем лучше.

— Я тоже так считаю. Но нужно ли метать бисер... перед драконами? Китайская триада — не наша Троица. И Конфуций у них —

для низов. Верхи — все даосы. К тому же, Китай слаб. Ему понадобится большая помощь. Долгая. И не только от Союза. Тем более, нам нужно расширить базу по ту сторону "железного занавеса". Независимо от вашей.

— Думаю, пока Китай слаб, опасаться нечего. А вот когда он начнёт метать огонь... Может быть, лет через пятнадцать-двадцать... То есть уже точно без нас. И по ту сторону "железного занавеса" вам сейчас ничего расширять не дадут. Наоборот, будут сужать изо всех сил.

— Значит, оставить всё побоку? Франция? Италия? Балканы? Рассчитывать не на что?

— Почему — не на что? Там у нас разумные и верные люди. В случае необходимости, думаю, вам будет предоставлена любая возможная поддержка и помощь. И с вашей стороны там помощь тоже всегда может понадобиться. Но, если всерьёз, — никакого "серпа и молота". Не то время. Там сейчас перепуганы, озлоблены и готовы на всё. Вы же сами сказали — нужен перерыв. Есть такое искусство — вовремя остановиться, чтобы не попасть в "вольную яму". Вы и без того сотворили чудо. Даже не одно, разве нет?..

— Нет. Хотя многие хотят сделать из меня такого усатого кумира-чудотворца. Но мы не сотворили никаких чудес. Да, скажем, построили самолёт. Но разве самолёт — это чудо? Это всего лишь знание и умение. Да, искусство. В экономике. В политике. А чудо — это другое. То, что над знанием. Над умением. Над причинами и следствиями. Над временем, в конце концов. То, что произошло с вами, например...

За окном потемнело — на небо откуда-то из-за горизонта снова напозлали дождевые тучи, вспыхивая длинными молниями и громяхая раскатами грома.

— Дежавю. У докторов это называется "дежавю" — уже виденное. Они спорят о том, что это такое: следствие каких-то душевных расстройств, ошибка человеческой памяти или действительно мы способны — непонятно, как — видеть какие-то моменты своей будущей жизни, и этот образ накладывается на реальность... Говорят, дежавю — это редкость. Многие испытывали это чувство. У вас оно было?

— Случалось. Нечасто.

— А ещё говорят, порой у человека, чаще всего — перед лицом смерти, за мгновения пронисится вся его прошлая жизнь... Теперь представьте себе, что большая часть вашей жизни — это сплошное, непрерывное дежавю. Что перед вами не пронисится, а ползёт, и не прошлая, а вся будущая ваша жизнь, непрерывно сокращаясь, и вы точно знаете, когда и каким образом можно всё изменить — не только для себя, а для множества других людей, для целых стран и народов. Кому-то, может быть, такое — за счастье, о котором ни мечтать нельзя, ни представить нельзя. Это выше, чем любая власть. А для меня это было тяжкое, непосильное бремя. Полвека с лишним всякий раз нужно было не ошибиться и сделать не как хотелось, а как должно. Не мешать подвижникам — совершать их подвиги, но и предавателям — предавать, лжечам — лгать, убийцам — убивать. И только сейчас, вот здесь и сейчас, это бремя, наконец, снято с моих плеч. "Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром...". Теперь всё — финальный кадр этой фильмы, и я уже не ведаю, что будет дальше...

— Не мы первые и не мы последние.

— Но станут первые последними, и последние первыми...

— И будет первому то же, что и последнему. Мы с вами так скоро все евангельскому мудрость друг другу ещё раз перескажем, Николай Александрович!

— Оно и пора уже, наверное...

На этот раз молчание было совершенно другим, и казалось оно, и окутывало оно только двоих, уже старых, усталых и не слишком телесно здоровых людей, с их бессмертными душами, глядящими в уже близкую, распахнутую перед ними вечность, — и никого больше.

(Газетный вариант)

Фото:

1. Семья российского императора Александра III в 1889 году. Фото Курта Левинки.

В первом ряду (слева направо): великий князь Михаил (р.1878), император Александр III (р.1845), великая княгиня Ольга (р.1882), великий князь Георгий (р.1871); во втором ряду: императрица Мария Фёдоровна (Дагмара Датская, р.1847), цесаревич Николай (р.1868), великая княгиня Ксения (р.1875).

2. Семинарист Иосиф Джугашвили в 1894 году.